

- ФВЯО – Финно-волжская языковая общность. М., 1989.
- Халдеева Н. И.* Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.
- Юналеева Р. А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Оршанский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 6. Краснококшайск, 1927а.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Сернурский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 7. Краснококшайск, 1927б (на обложке: Йошкар-Ола, 1928).
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Торъяльский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 8. Йошкар-Ола, 1929 (на обложке 1930).
- Lagercrantz E.* Lappischer Wortschatz, I–II // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, VI. Helsinki, 1939.

А. Н. Куклин, докт. филол. наук, профессор,
зав. кафедрой марийского языка и литературы
Марийского пед. института им. Н. К. Крупской
(Йошкар-Ола)

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 255 с.

Существуют две автономные области в русском языкознании, которые одинаково хорошо распространяются на все уровни языка и все жанры, но всегда сохраняют при этом свою специфику – акцентология и ономастика. Внимание к именам собственным с незапамятных времен настолько велико, что еще у Мелетия Смотрицкого разделение на собственные и нарицательные выносятся на первое место для имен, еще до разделения их на существительные и прилагательные. Однако в данной книге имена лиц рассматриваются прежде всего в прагматическом измерении, и это обеспечивает ей особую актуальность и передовые позиции в новейшей науке. Неуместно говорить об антропоцентрическом подходе там, где кроме человека никого и нет и никакого иного подхода нельзя себе и представить, но здесь акцент переносится с имени на связь между именем и социально определенным лицом со всеми его правовыми и частными ролями.

Каждая глава книги имеет самостоятельное научное значение и содержит существенные выводы, важные не только для филологии, но и для истории общественно-правовых отношений на Вологодской земле в XVII в. Материал излагается очень последовательно и увлекательно, несмотря на сложные научные проблемы, решаемые в монографии.

Из трех возможных аспектов исследования – номинативного, коммуникативно-прагматического и стилистического – в качестве базового выбирается коммуникативно-прагматический. Такой подход больше всего соответствует избранному кругу текстов-источников и позволяет наиболее полно представить употребление в них антропонимов. В семантике имени собственного выделяется модально-экзистенциальный компонент, который противопоставлен коннотативному компоненту, присущему и значению имени нарицательного (с. 32). Это позволяет поднять вопрос об особой модальности онимов, которые показывают не про-

сто реальное существование названного предмета, но еще и способ вхождения его в мир говорящего. В книге подробно обсуждаются вопросы о невоплощенных, потенциальных (или виртуальных) именах, номосфере, функциях апеллятивов при именах собственных, границах формо- и словообразования онимов.

Особое внимание уделяется проблеме варьирования имени собственного, правда, не везде удастся выяснить направление изменения имени, поэтому помимо деривационной связанности (*Михаил – Миша*) приходится выделять простую соположенность (*Варфоломей – Вахромей*).

Отмечается, что фамилии образуются по тем же моделям, что и патронимы, указываются средства разделения тезоименитых лиц (частица *же*, отчество и т. д.). В челобитных же, наоборот, поскольку нет необходимости показывать внутрисемейные отношения и дифференцировать себя, имена часто даются без отчеств и фамилий. Здесь индивидуализирующая функция превалирует над дифференцирующей. То же самое наблюдается и во внутримонастырских хозяйственных книгах, в которых также упоминается только личное имя в расчете на тот круг лиц, которому носитель имени хорошо известен. Описываются средства повторной номинации лица в тексте: указательные местоимения, родовые апеллятивы. Особо рассматриваются посессивные отношения, возникающие в двух- и трехкомпонентных антропонимах, из которых вырастают отчества и фамилии. Не очень понятно только, зачем к их анализу привлекается категория модальности.

Со всех возможных сторон рассматривается мотивация антропонимов, дифференцируются понятия некалендарных имен и прозвищ и их функции. Особо следует отметить детализацию процесса возникновения фамилий из прозвищ: делается уверенный шаг от грубой и приблизительной этимологии патронимов к точной и документированной истории их появления и бытования. По частным жанрам деловой письменности последовательно прослеживается историческое движение от неопределенности к определенности антропонимической номинации (см. ниже).

От главы к главе прагматическая составляющая книги усиливается: подробно анализируются ситуации речи, производится прагматически ориентированная классификация контекстов (субъективные, объективные, смешанные) и типов референции (неопределенная, определенная генерализирующая или индивидуализирующая референция). Во многих случаях подчеркивается степень определенности имени: если неизвестно имя отца, то это оговаривалось. Иногда лицо вообще не отождествляется и имя остается без референции.

За счет тщательного выделения прагматических факторов автору удается показать яркую картину делопроизводства на Вологодской земле в XVII в. Деловая письменность строго дифференцируется по жанрам, которые по-разному отражают антропонимию (частно-деловая письменность и официально-деловая, к которой относятся общегосударственные, правительственно-административные и прочие документы волостного уровня). Дозорные книги фиксировали все облагаемые государственными повинностями дворы, по ним можно проследить сокрытие и возврат учета лиц в условиях Смутного времени. Переписные книги охватывают только тяглые дворы, а не всякие угодья и промыслы, причем строго различаются ответственные отцы семейств и разные «захребетники» с ограниченными правами. Особый жанр представляли собой крестоприводные книги, перечислявшие всех тех, кто целует крест на верность царю. Здесь лучше отражается всякого рода мещанское и ремесленническое городское население – посадские люди; всем приезжим давались прозвища оттопонимического происхождения. В таможенных книгах удерживался принцип равноправия именования торговых партнеров. В челобитных именуемое лицо попадает совсем в другую позицию – уже не объекта, а субъекта речи, поэтому подписи имеют самоуничижительный характер.

Именование регулировалось особыми наказами называть, например, «по имяном с отцы и с прозвищи». Поскольку одно и то же лицо в разных документах должно быть названо одинаковым образом, способ именования повторялся (в дозорных и сотных книгах с середины XVI в. преобладают двухкомпонентные антропонимические формулы). Эти все более или менее строгие требования побуждали составителей официальных книг выписывать третий, постоянный для семьи компонент имени, который мы теперь знаем как фамилию. Все исключения из правила тщательно анализируются и для их объяснения отыскиваются частные социально-исторические причины. Например, именование налогоплательщика хорошо отражает его социальный статус: бобылей и безземельных крестьян именовали не так, как семейных и с наделами; бывшие владельцы, не платящие налоги и не имеющие тягло, назывались более коротким способом, батраки (половники) – личным именем и прозвищем.

К несомненным достижениям книги относится применение категории модальности к антропонимии. Распространение категории с глагола и формообразования на имя и словообразование, а также прагматику номинации в тексте вполне оправдано с точки зрения функциональной грамматики. За счет этого удалось, в частности, уточнить группы субъектов, именуемых в документах при помощи антропонимов: 1) субъекты правовых и других отношений, субъекты обладания имуществом, субъекты описываемых действий; 2) субъекты знания, восприятия, речи; 3) субъекты, заверяющие подлинность документа.

Никаких особых содержательных замечаний монография не вызывает. Можно выразить сожаление по поводу излишне скромного и, так сказать, некоммерческого, нерекламного ее заглавия. Теоретические проблемы ставятся и решаются здесь настолько широко, что следовало бы содержание подзаголовка вынести в основное заглавие (например, «Категории определенности/неопределенности, посессивности и модальности русской антропонимической номинации»), а содержание основного заглавия перенести в подзаголовок («на материале...»). Это сразу расширило бы круг потенциальных читателей книги. Очень не хватает алфавитного списка всех имен собственных, упоминаемых в работе. Это несколько снижает ее достоинства справочного характера.

В целом рецензируемая книга настолько существенно обогащает наши представления о путях и способах именования лиц в период, непосредственно предшествовавший Петровскому времени, что ее выход в свет стал крупным событием в новейшей русской филологии.

Д. Г. Демидов, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
Санкт-Петербургского гос. университета

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.

Книга, о которой пойдет речь, возникла как итог творческого взаимодействия двух близких наук: ономастики, исследующей собственные имена, и лингвистики текста, изучающей закономерности построения, функционирования и восприятия различных текстов. Нужно признать, что в русской ономастике в силу ряда причин эта пограничная область, определяемая кругом вопросов *имя собственное ↔ текст*, оказалась явно недостаточно разработанной. Основываясь на достижениях многих зарубежных (и в первую очередь немецких)